

го концепта ведущие смысловые слои и ведущие доминантные признаки.

В будущем нам представляется перспективным провести сопоставительное исследование концепта ЖЕНЩИНА в белорусской и китайской культурах, чтобы выявить общее и культурно-специфичное в репрезентации данного фрагмента знания у двух народов.

Литература

1. Официальная статистика // Демографическая и социальная статистика [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – М., 2019. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/>. – Дата доступа: 31.10.2020.

2. Курганова, Н. И. Образ мира через призму концептов повседневности: монография / Н. И. Курганова. – Минск : РИВШ, 2020. – 200 с.

О. Л. Калашникова

*Университет таможенного дела и финансов
(г. Днепр, Украина)*

ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ ИЛИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ «ЯЗЫК ПЕРЕВОДА»: О СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЯХ

В статье рассматриваются поиски новых писательских стратегий как форм отражения нынешнего мультикультурного глобализированного мира. На материале теоретических эссе и романов автора литературного проекта «постэкзотизм» анализируется неординарная повествовательная стратегия А. Володина, создающего свои романы на транснациональном «языке ВСЕХ культур», «языке перевода», от-

развишем особое постэкзотическое мировидение французского писателя и определяющем поэтику образности, имен и названий в его произведениях. Возможен ли диалог языков и культур в постэкзотическом мире? Этот вопрос задает А. Володин своему читателю, заставляя задуматься о возможностях построения новой Вавилонской башни, где язык каждого будет сохранен, услышан и понят другими.

Ключевые слова: диалог языков и культур, транснациональный язык, постэкзотизм, Володин.

The article examines the search for new writing strategies as forms of reflection of the current multicultural globalized world. Based on theoretical essays and novels by the author of the literary project "Postexotism", the article analyzes an extraordinary narrative strategy of A. Volodin, who creates his novels in the transnational "language of ALL cultures", the "language of translation", which has reflected the special postexotic worldview of the French writer and determines the poetics of imagery, names, and titles in his writings. Is the languages and cultures dialogue possible in a postexotic world? A. Volodin asks this question to his reader, forcing him to think about the possibilities of building a new Tower of Babel, where the language of everyone will be preserved and will be heard and understood by others.

Keywords: languages and cultures dialogue, transnational language, postexotism, Volodin.

Диалог языков и культур как необходимое условие международного партнерства в современном мультикультурном мире вряд ли имеет альтернативу. Однако сложные процессы транскulturации и аккультурации, характерные для нынешнего этапа развития культуры человечества, рождают неординарные культурные феномены, воплощающие новую социокультурную парадигму глобализованного мира и определяющие поиски форм его адекватного художественного отражения. И, пожалуй, именно в литературе, показывающей мир через слово, вопросы выбора языка оказываются ключевыми, ставя писателя перед дилеммой: какой язык избрать, чтобы обратиться к мультикуль-

турному читателю и быть понятым им. Активно осваиваемая постмодернизмом техника коллажного письма, языковых игр, одномоментного соприсутствия всех текстов в одном текстовом пространстве потенциально ориентирована на возможность создания некой универсальной, транскультурной картины мира, описанной неким транскультурным языком, рожденным процессами нового «переселения народов» и формирования общности людей, в которой универсальное – это не сумма разнационального, а то, что выявляет общечеловеческое, отражая типологические закономерности движения человечества в пространстве истории.

Оставляя за кадром дискуссии о возможном столкновении цивилизаций (прогнозы С. Ф. Хантингтона) и о «неправильном» западном ориентализме (теория Э. Саида), современные писатели ищут такой язык, который позволил бы создать картину мира, соответствующую новым реалиям. Одним из наиболее интересных и пока мало осмысленных наукой подобных опытов является литературный проект французского писателя Антуана Володина, названный им «постэкзотизмом».

В статье предпринята попытка анализа особого языка А. Володина как «языка ВСЕХ культур», «языка перевода», вавилонского письма, ставшего ключом к особому постэкзотическому миру французского писателя.

Дефиниция «постэкзотизм» подробно поясняется А. Володиным, изначально декларировавшим свою инаковость и непринадлежность к какой бы то ни было литературной группе или «изму», большое количество которых появилось во второй половине XX и в начале XXI столетия. Свое особое направление в современном французском литературном дискурсе автор «*Малых ангелов*», «*Дондога*», «*Бардо or not Бардо*», «*Terminus radiieux*» называет «постэкзотизмом». Иронично замечая, что в выполняющем роль некоего теоретического манифеста «*Постэкзотизме в десяти уроках*» (“*Le Post-exotisme en dix leçons*”) есть псевдотеоретические определения, обнаруживающие неспособность ав-

тора книги создавать теорию, Володин утверждает, что для него теория – это «лишь одна особая форма художественного вымысла» [6, с. 250]. Отмечая провокационно-парадоксальный характер дефиниции «постэкзотизм», С. Андр поясняет, что А. Володин, «стремясь избежать ярлыков, ... создает новый, соответствующий его произведениям, квалифицированным как «постэкзотические». Он хотел бы в своих литературных построениях создать некую параллельную вселенную, другой воображаемый мир, который было бы невозможно сравнивать с продукцией, обозначенной им как «официальная литература» [4, с. 8].

Изобретенное самим писателем, это слово, как не раз бывало в истории культуры, стало «удачной реперной точкой и для организации специфического мира, вселенной произведений Володина, и для осмысления самим писателем, если угодно, стратегии своего творчества» [2]. Наследуя принципы создателей «нового романа», которые сами прописали собственную теоретическую программу лучше любых теоретиков литературы, А. Володин детально обозначает поэтологические горизонты особой картины мира, в которой все является мистификацией, шаманством, экспериментом, причудливой выдумкой и одновременно – ярким рассказом о человечестве, прошедшем сквозь исполненный несчастьями XX век, который и «послужил романному построению культурной отсылкой». В эссе “*Écrire en français une littérature étrangère*” писатель четко обозначил систему координат своего «постэкзотического» мира, некую «дорожную карту» для читателя и исследователя его творчества: *La langue, L’univers étranger, La mémoire familiale, Les noms, Les lieux, Le temps, La mémoire collective* (Язык, Странный универсум, Имена, Места, Коллективная память) [5].

Восставая против априорного причисления писателя по национальному признаку к «языковой отчизне», против навязываемой ему социумом роли «дипломатического представительства», Володин обозначает новую природу языка сегодняшнего мира, который на протяжении последних пятидесяти лет является огромной недифференцированной «интернациональ-

ной территорией», воспринявшей переводы с многочисленных языков мира, принявшей, усвоившей, интегрировавшей их. «Язык – это нейтральный инструмент, который привечает все составляющие человечества и который более уже не может быть присвоен какой-то одной национальной составляющей. С тех пор как возникли переводы, любой язык в мире несет на себе отпечаток ВСЕХ его культур» [5]. Именно на этом “langue de traduction” («языке перевода») и пишет свои книги Антуан Володин, предлагая читателю транснациональную картину мира, выраженную средствами “langue transnationale”.

Симптоматично, что писатель начинает характеристику собственной картины мира именно с Языка (LALANGUE), несущего «отпечаток ВСЕХ культур мира», прибегая к «вавилонскому письму» – языку «золотого века» человечества, исчезнувшему вместе с Вавилонской башней. Этот язык рождает транскультурную картину мира, где Время – это трансвремя (время трагической истории человечества), Пространство – странное межпространство (виртуально-фантастически гиперреалистическое и онирическое одновременно), а люди имеют «культурно-гибридные» Имена, никак не прикрепляющие их к определенной национальности, языку, культуре, времени: Гюльмюз Корсаков, Василиса Марашвили и т. п.

В знаковом для Володина романе «Дондог» (2002) язык заявлен на первой же странице как единственно возможный ключ к необычному миру создателя постэкзотизма, миру фантазмагорическому, но легко узнаваемому в своих натуралистически дезэстетических подробностях, акцентно выписанных в романе: «Не зная поначалу, на чем сосредоточить свою мысль, он представил себе банку, наткнувшуюся на куриные кости или недоеденный рис, представил тараканов, исследующих этот странный предмет, настоroje, в волнении перебирая антеннами, неподвижных, как и он сам... Вслед за тараканами в голове у Дондога всплыли четыре имени. Джесси Лоо. Тонни Бронкс. Гюльмюз Корсаков. Элиана Хочкисс. Он едва слышно проборо-

мотал их, ибо его память, чтобы работать, нуждалась в языке» [1]. На первой же странице обозначено то «вавилонское письмо», «интернациональная лагерная тарабарщина», которые только и возможны в описании камерно-лагерного мира человечества, прошедшего через кромешный, наполненный революциями и мировыми войнами XX век: «Очевидно, обитатели Сити принадлежали разным этносам. Дондог наострил уши, за десятилетия привыкшие к интернациональной лагерной тарабарщине, и узнал ту смесь наречий, которая распускается пыльным цветом только за колючей проволокой и которую ему представилась возможность осваивать всю свою жизнь» [1].

Но если российскому переводчику «Дондога» В. Лапицкому во многом удалось ощутить нерв «транснационального языка» Володина (см. об этом [2]), то путь других произведений писателя к иноязычному читателю по-прежнему остается сложно преодолимым. Так, на русский пока не переведен один из последних романов писателя “*Terminus radieux*” (2014), не говоря уже о романе “*Frères sorcières*” вышедшем в издательстве *Seuil* в январе 2019 года. Украинских переводов романов Володина пока нет.

Языковые барьеры и загадки расставлены писателем уже в паратексте. Так, в очередной фантазмагорической фантазии Володина о судьбах человечества в XX веке, повествующей о постапокалиптическом бытии, наступившем после завоевания Второго СССР и некой подобной Чернобылю катастрофы, трудности перевода начинаются с имени романа: “*Terminus radieux*”, не поддающемуся однозначной интерпретации. В диссертации В. П. Чуб роман отнесен к антиутопиям на тему Апокалипсиса, а название переведено как «Промениста безвихідь» [3, с. 100]. Однако отражает ли предложенный вариант перевода имени романа транскультурный володинский код, предполагающий наложение и совмещение разноязыковых картин мира?

Попробуем прочесть «вавилонское письмо» Володина. Название романа, входящее в апеллятивную структуру текста, включает

механизм жанрового ожидания читателя и готовит к определенной картине мира, которая у Володина обозначена двумя словами: *Terminus radiieux*. Прямой перевод с французского, осуществленный В. Чуб, не вполне передает володинскую программу письма на «языке перевода», впитавшем разнонациональные картины мира. А на разных языках, одновременно представленных их «послом» Володиным, каждое из этих двух слов имеет разное значение, а значит, предполагает разные коннотации. “Terminus” соединяет в себе французские – «конечная станция», «электрическая клемма»; английские – «конечная станция на вокзале», «вокзал», «конец»; общеродословные для французского и английского языков латинские – «предел», «граница», «пограничье», столь значимые для образа предельного состояния, важнейшего в фикциональном универсуме А. Володина, где нивелирована граница между реальным и воображаемым, бытием и не-бытием.

Не менее многозначным оказывается и второе слово: “*radiieux*”, включающее и прямое для французского языка значение – «сияющий», «излучающий лучи», «лучезарный», и аллюзионно созвучное однокоренному “*radiation*” (радиация), и синонимически подобное “*rayonnement*” (радиация), прилагательное от которого “*rayonnant*” (излучающий лучи, лучезарный) является синонимом “*radiieux*” (лучезарного), но предполагает другие, смертельные для человека радиоактивные лучи, от которых гибнут персонажи романа и не раз гибло человечество в XX век. Но излучение, возможно, предрекает пока неведомое человечеству светлое сияние: *radiieux*, в котором эхом отзывается радость на почти родном для писателя русском языке. Провоцируя читателя к прочтению слов *Terminus* и *radiieux* на транснациональном «языке перевода», писатель анонсирует в названии романа образ трансгрессивного пространства и времени, пограничного психологического состояния героев-фантомов, оставляя при этом возможность «лучезарной» перспективы для людей, переживших глобальную военную и техногенную катастрофы, но выживших на некоем «Рубеже», «излучающем свет».

Английский перевод этого романа “*Radiant Terminus*” привносит в название еще одну возможную коннотацию, отражающую видение сегодняшнего мира. Английское “*Radiant*” активизирует в горизонте ожидания читателя ассоциацию с названием архипопулярного во Франции, выходящего с 2013 года комикса Тони Валэнте “*Radiant*”, по которому уже сняли 21 серию аниме. В этом сериале *Radiant* – это легендарное место, где обитают нападающие на Землю чудовища нимезиды, победить которых стремится главный герой аниме озорной мальчишка Сет.

Постэкзотизм, задуманный и осуществленный А. Володиным как опыт воссоздания памяти, общей для всех индивидов, знакомых с историей человечества в XX веке, определил феномен «вавилонского письма», формирующего фантазмагорический, вынесенный за границы географической, национальной и языковой идентичности мир романов писателя, написанных на «транснациональном языке». Анализ названия только одного романа Володина обнаруживает если не невозможность, то крайнюю сложность осуществления адекватного перевода постэкзотической прозы с французского как «языка перевода». «Иностраный для реального мира» язык А. Володина, рождающий неординарную образность, мало изучен даже на родине писателя, где подобные исследования можно пересчитать по пальцам (Д. Суле, П. Жибур Ф. Детю).

Украинский и белорусский читатель еще ждет того, кто отважится на роль посредника в переводе романов писателя с его «языка ВСЕХ культур», «транснационального языка» на белорусский и украинский, посредника в знакомстве с постэкзотизмом и необычной повествовательной стратегией писателя, попытавшегося на уровне языка и образности своих романов воспроизвести многоголосие нынешнего мультикультурного мира. Возможен ли диалог языков и культур в постэкзотическом мире? Этот вопрос задает А. Володин своему читателю, заставляя задуматься о возможностях построения новой Вавилонской башни, где язык каждого будет сохранен и будет услышан и понят другими.

Литература

1. Володин А. Дондог: пер. с фр. Санкт-Петербург, 2010. 351 с. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=37988&p=10.
2. Скард-Лapidус А. Постэкзотизм... да, слово дико // Антуан Володин. Дондог. Санкт-Петербург, 2010. С. 333–349.
3. Чуб В. П. Поетика романної прози Антуана Володіна: дис. ... канд. філол. наук. Харків, 2018. – 281 с.
4. Andre S. L'identité et la filiation vues à travers le prisme du post-exotisme. L'univers d'Antoine Volodine au sein de la littérature française du vingtième siècle: thèse pour l'obtention du Doctorat en Littérature française. Aix-en-Provence, 2008. – 613 p.
5. Volodine Antoine. Écrire en français une littérature étrangère / Chaoïd, n° 6, automne/hiver 2002, p. 52-58. – Режим доступа: www.berlol.net/chrono2/?p=414.
6. Volodine Antoine et Sara Bonomo/ Le Goût du roman, Matteo Majorano (éd.). Bari: B.A. Graphis, 2002. – p. 243–254.
7. Volodine Antoine. Le post-exotisme en dix leçons, leçon onze. Paris, Gallimard (Blanche), 1998,. – 112 p.

В. В. Литвинов

*Университет таможенного дела и финансов
(г. Днепр, Украина)*

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ УНИВЕРСИТЕТА ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА И ФИНАНСОВ КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР ВОСТОКА И ЗАПАДА

Диалог культур – важный компонент государственной политики, которая имеет различные формы. Гуманитарная подготовка позволяет снять барьеры в общении народов. В статье рассмотрено, как можно совместить гуманитарную подготовку с рассказом о холод-